

тревоги, действенным отношением к жизни. Его любимые поэты — В. Маяковский, В. Хлебников, Б. Пастернак, Э. Багрицкий, И. Сельвинский. «Самое страшное в мире — / Это быть успокоенным», — считал он. Главные темы его стихов — героика революции и Гражданской войны, готовность к участию в новых боях за идеалы коммунизма. «Уже опять к границам сизым / Составы тайные идут, / И коммунизм опять так близок — / Как в девятнадцатом году», — писал поэт в поэме «Самое такое» накануне Великой Отечественной войны. «Самое такое» — это поэма о любви к новой России, преображенной революцией. За эту Россию К. отдал жизнь. Незадолго до смерти он узнал: «Война ж совсем не фейерверк, / А просто — трудная работа, / Когда — черна от пота — вверх / Скользит по пахоте пехота». Тема войны как тяжелой работы будет продолжена Б. Слуцким — другом К. еще с харьковских лет. В стих. «М. В. Кульчицкий» Слуцкий писал о друге: «Он знал одну награду: / В том, чтоб словами своего народа / Великое и новое назвать. / Есть кони для войны и для парада. / В литературе тоже есть породы. / Поэтому я думаю: не надо / Об этой смерти слишком горевать. / Я не жалею, что его убили. / Жалею, что его убили рано. / Не в третьей мировой, а во второй. / Рожденный пасть на скалы океана, / Он занесен континентальной пылью / И хмуро спит в своей глуши степной».

Соч.: Имена на поверке: Стихи воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны. М., 1963; Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне / предисл. А. Суркова; вступ. статья В. Кардина; сост., подгот. текста, биографические справки и прим. В. Кардина и И. Усок. М.; Л., 1965; Рубеж / вступ. статья Д. Ковалева «Правофланговый». М., 1973; Вместо счастья: стихотворения. Поэмы. Воспоминания о поэте / предисл. Е. Евтушенко. Харьков, 1991.

Лит.: Шатилов Н. Живой с живыми // Прапор. 1962. № 3; Левин Г. Была бы родина...: Из воспоминаний о М. Кульчицком // День поэзии. М., 1966; Турков А. Далекая весна // Известия. 1991. № 96. 23 апр.

М. Ф. Пьяных

КУМОВ Роман Петрович [21.11(3.12).1883 (по др. источникам — 21.11(3.12).1885; 25.12(7.12).1886), ст. Казанская Усть-Медведицкого округа Обл. Войска Донского — 20.2(5.3).1919, Новочеркасск] — прозаик, драматург.

Из донских казаков. Отец — почетный мировой судья, действительный статский советник. В 1889 семья переехала в станицу

Р. П. Кумов

Усть-Медведицкую (с 1933 — г. Серафимович Волгоградской обл.). К. учился в местном духовном училище (1894–99) и Новочеркасской (Донской) духовной семинарии (1899–1905), которую окончил по первому разряду со званием студента семинарии, и поступил на юридический ф-т Юрьевского (ныне Тартуский) ун-та. Через год перевелся на юридический ф-т Московского ун-та, откуда в 1910 был выпущен кандидатом прав. По свидетельству Ф. Д. Крюкова, К. всегда «с благодарностью вспоминал то хорошее, что дала ему» Москва и «ее университет, ее церковки, ее театры, литературные кружки...» (Донская волна. 1919. 3 марта. С. 2). Глубокий след в памяти К. оставил В. О. Ключевский, пробудивший в молодом писателе интерес к русской истории (см. рассказ «Пророчество» (Донская волна. 1919. 27 янв.), написанный на основе воспоминаний о знаменитом историке). Увлеченный этнографией и фольклором донского казачества, К. «усиленно собирал бытовые материалы, казачьи песни и легенды, остатки старины, впечатления на местах, для чего предпринимал специальные поездки в глухие уголки северных округов Дона» (Серапин С. [Пинус С. А.] Крюков и Кумов // Казачьи думы (София). 1922. 5 марта). После окончания ун-та К. вернулся в Усть-Медведицкую, где преимущественно и жил до 1918, бывая наездами в Москве и Петербурге. С осени 1911 служил присяжным поверенным в г. Сарапуле Вятской губ., куда приезжал раз в год. В Первую мировую вой-

ну (конец 1914 — начало 1915) был мобилизован и направлен на фронт санитаром.

Печататься начал «в младших классах семинарии в донских газетах и петербургских религиозно-философских ежемесячниках» (Автобиография. 12 июля 1913 // ИРЛИ. Ф. 377). Позднее сотрудничал во мн. ж. и газ.: «Отдых христианина» (1904–16), «Трезвая жизнь» (1905–14), «Известия Санкт-Петербургской епархии» (1906), «Слово» (здесь К. познакомился и близко сошелся с писателем И. Л. Леонтьевым-Щегловым, о котором позднее рассказывал в своих воспоминаниях **«Подвижник слова»** // Исторический вестник. 1913. № 12), «Жизнь для всех» (1910–18), «Светоч» (1910–12) и др. Оценивая отдельные рассказы К. (**«На родине»**, **«Свадьба»**, **«Учительница»**), опубликованные в газ. «Слово», Д. Шестаков, наряду с влияниями (А. П. Чехов, Н. В. Гоголь), отмечал у автора «свой слог», «умение в скудном, на первый взгляд, психологическом сюжете развивать незаурядную по тонкости психологию», стремление «найти в серой обыденщине золотые руды истинно человеческой жизни» (Слово. 1907. 22 нояб.). Рассказ К. **«В гостях у батюшки»** (1907) рецензент «Церковно-общественной жизни» (1907. № 43. С. 1339–1342) относил к «числу лучших художественных произведений <...> о нашем духовенстве», в котором «с неподражаемым мастерством передана поэзия простой безыскусственной религиозной веры народной, схвачен колорит тихой сельской жизни, сосредоточившей около своей маленькой церковки все свои надежды и упования». Судьбе духовенства в годы назревавшего кризиса православия посвящены мн. рассказы первого сб. К. **«Бессмертники»** (1909, составлен А. П. Миртовым), которым он заявил о себе как о писателе духовно-религиозной ориентации. К. создает галерею «тихих подвижников» православной веры, искренно и самоотверженно служащих идее духовно-нравственного преображения жизни. Герои произведений К.— монах о. Всеволод (**«Цветы жизни»**, 1908), о. Георгий (**«Отец Георгий»**, 1906), о. Василий (**«Степной батюшка»**, 1907), о. Николай, учительница Сонечка (**«Учительница»**, 1907), казачка Маланья (**«В степи»**, 1909) — это люди, «нередко надломленные бурей жизни, страдающие, но черпающие силу в самих себе, в заветах Христа». К. считал, что «нет на свете ничего чудеснее, святее, трогательнее тоски по тому, что высоко-высоко, и зажечь другую душу огоньком этой тоски — это значит послужить <...> большому человеческому идеалу» (Смо-

ленский Н. Отголоски жизни и лит-ры // Отдых христианина. 1912. № 10. С. 745). В рассказах К. «много глубокой истинной поэзии и искреннего чувства,— писал рецензент «Нивы»,— и как доминирующая нота в них царит выстраданный и горячий порыв к небу, вечной истине и добру» (Нива: Ежемесячное лит. и популярно-науч. приложение. 1909. № 6. С. 299–300). Задумываясь над смыслом русской национально-исторической жизни, К. обращался к теме чуда как явления, органично связанного с церковью (**«Стояние»**, 1906; **«Игумен Иосаф»**, 1907). «Только чудо спасет Россию, о чуде надо молиться»,— говорит о. Лев, герой рассказа **«На родине»**. Образ церкви у К. сближен с образом донской степи («Наша степь полынная — это храм»,— писал К. В. Севскому [В. Краснушкину] 23 февр. 1916 // Донская волна. 1919. 3 марта). Степь, куда вынесено действие мн. рассказов К.,— Господня земля, освещенная светом Преображения. Ряд произведений, вошедших в сб. «Бессмертники», построен на материале раннехристианских преданий (**«Сказание о старце Зосиме и Марии из Египта»**, 1907; **«Нилена из Рима»**, 1908). Создавая образы подвижников веры, К. нередко выбирал библейский сюжет, донское предание.

В 1913 выходит второй сб. рассказов К.— **«В Татьянину ночь»**, посвященный памяти В. Ф. Комиссаржевской. Критика единодушно усматривала в книге известную зависимость К. от Чехова: «Автор весь во власти чеховских сумеречных настроений <...>, часто сбивается на мало занятный анекдот» (Кр<анихфельд> Вл. [Рец.] // Совр. мир. 1913. № 2. С. 144). В то же время рецензенты отмечали, что К. «умеет писать просто и кратко о страшной русской жизни, тому свидетелями рассказы **«Песня»**, **«Ученый»**, **«Несчастье»**, **«Проповедь»** — настоящие темы азиатской нашей действительности» (3-в А. <Горький М.> [Рец.] // Современник. 1913. № 7. С. 372). Критик «Пути» (1913. № 3. С. 76) писал об «остроте подлинной жизни, которую автор рисует мягкими, грустными красками...» В. Поссе подчеркивал, что К. «улавливает огоньки бессмертные, зажигающиеся в обывательской жизни. Болезненно сжимается его сердце, когда гаснут эти огоньки от недостатка чистого воздуха» (Жизнь для всех. 1913. № 1. С. 206).

В 1915 в Петрограде вышло 2-е изд. (с измененным составом) сб. «В Татьянину ночь» под названием **«Очерки и рассказы»**, доброжелательно встреченное критикой. Религиозно-философская проблематика в книге по-

лучила дальнейшую разработку. Пустоте и бессмысленности существования безрелигиозной интеллигенции, тупикам жизни» («Исторический сюжет», «Несчастье», оба — 1911) К. противопоставлял людей, вставших на путь истинно духовного подвижничества («Иван Ступин», 1909). О своеобразии творческой манеры К.-рассказчика близко знавший его донской литератор С. Пинус писал: «Кумов — романтик. Бытовое содержание его рассказов всегда погружено в проникновенный идеализм и куда-то зовущее раздумье и настроение. Идею, мечту, психологическую загадку, а не факт кладет К. в основу не только содержания, но и фабулы своих произведений» (Казачьи думы. София, 1922. 5 марта). Религиозно-философские проблемы К. решал и в драматургии. В 1916 появляется драма «Конец рода Коростомысловых» (1916; первоначальный вариант — «Голос крови», 1913). Во главу угла в ней поставлена проблема соотношения мирского и духовно-религиозного начал в земной жизни человека. Род Коростомысловых, к которому принадлежит главный герой пьесы — камский лесопромышленник Кузьма Коростомыслов, соединил в себе две борющиеся стихии: по мужской линии — широту, идущую от волжской разбойничьей удалой вольницы, предприимчивость и деловитость, по женской линии — устремленность к смирению, религиозному подвижничеству. Бунт Кузьмы против Бога (нарушил христианское «не убий») оборачивается смирением и признанием суда Всевышнего над собой. Конец рода Коростомысловых воспринимается как символ победы духа над капиталом и одновременно начало новой генерации людей, устремленных через покаяние к Богу. Среди др. драматургических опытов К. («Нилена из Рима» — мистерия в 5 картинах; «Дочь земли», обе — 1915) пьесы «Конец рода Коростомысловых» явилась большой творческой удачей К. На II конкурсе А. Н. Островского в 1916 она получила первую премию и была поставлена театрами Москвы и Петербурга. С момента появления сб. «В Татьянину ночь» дарование К. было замечено М. Горьким, который помогал ему как начинающему автору и привлек к сотрудничеству в ж. «Летопись», где увидели свет повести «Завещание» и «Малаша с Перекопских гор» (обе — 1917), свидетельствовавшие о стремительном росте мастерства донского писателя.

Примыкавший к лагерю донских демократов, К. с надеждой встретил Февральскую революцию, однако ожидания его вскоре сменились тревогой: «...Что-то и на Дону зло-

веще, как перед грозой <...>, если не будет Учредительного Собрания, всем нам, казакам, придется садиться на коней...» (Донская волна. 1917. 3 марта). Октябрьскую революцию К. не принял. В годы Гражданской войны на Дону он сотрудничал в белогвардейской прессе (преимущественно в ж. «Донская волна»). «Главной задачей моей теперешней работы,— писал К. В. Севскому в нояб. 1918,— пробудить и поддержать, насколько можно, во впадшем в смертное безразличие русском обществе дух веры в себя и в свои судьбы <...>, ибо я верю на самом деле глубоко в русский народ и в особый его жребий на земле несмотря ни на что» (Донская волна. 1919. № 10. С. 8). К. не был донским сепаратистом, выступал за идею «единой и неделимой России»: «Дон без Великороссии я не мыслю и не чувствую» (Там же. С. 8). Умер К. от тифа на больничной койке в Новочеркасске. По словам его друга Ф. Д. Крюкова, К. «работал скромно, бескорыстно», его «подвиг жизни совершался не на боевом поприще, а в бессонном уединении рабочей, заваленной бумагами комнате...» (Донская волна. 1919. 3 марта. С. 2). При погребении он был удостоен высоких воинских почестей Войскового Круга как национальный писатель Дона. Незданными остались подготовленные К. к печати тома рассказов «Малаша с Перекопских гор», «Ясмень-трава», пьесы, роман «Пирамида» («Святая гора») о Гражданской войне на Дону; роман был закопан писателем в Усть-Медведицкой накануне захвата ее красными.

Соч.: Бессмертники. СПб., 1909; Греза и поэт: сказка. СПб., 1910; Цветы на стеклах: сказка. СПб., 1910; Святая ночь: весенний этюд. [СПб., 1910]; В Татьянину ночь. СПб., 1913; Очерки и рассказы. СПб., 1915; Лиза: рассказы. М., 1916; Конец рода Коростомысловых. Пг., 1916; Игумен Иосаф: Донское предание. Пг., 1917; Письма В. Севскому. 1916–1918 // Донская волна. 1919. № 10; История одной любви / публ., вступ. статья В. Н. Запезалова // Новый ж. СПб., 1997. № 4.

Лит.: Кумов в «Донской волне» // Донская волна. 1919. № 10; Крюков Ф. Р. Кумов // Донская волна. 1919. № 10; Сургучев И. Делающий имя стране // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Степной брат: Листки воспоминаний // Донская волна. 1919. № 10; Севский В. Кумов-писатель // Донская волна. 1919. № 11; Воротынский Д. Р. П. Кумов // Вольное казачество. Прага, 1931. № 75; Горький и советские писатели. Незданная переписка. ЛН. Т. 70. М., 1963. С. 483; Шумов В. Свидетель правды // Лит. Россия. 1981. № 43. 23 окт. С. 24; Сатарова Л. Г. Донское казачество в прозе рубежа XIX–XX вв. М., 1992.

В. Н. Запезалов